

Л. В. Котович, Л. Н. Мыльникова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

L.Mylnikova@yandex.ru

**СТУДЕНТЫ О РЕЗУЛЬТАТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ОТЧЕТОВ ПРАКТИКАНТОВ
ИЗ НОВОСИБИРСКОГО И ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ) ***

Археологическая практика пока еще не стала предметом изучения исследователей, как, впрочем, и другие практики. Ее основные задачи сводятся к трем положениям: закрепить и расширить знания по археологии и истории Сибири, полученные на лекциях и семинарах, показать все многообразие археологических источников; заложить основы профессиональных умений и навыков организации труда в археологической экспедиции, ведения полевой и финансовой документации, первичной камеральной обработки материалов, полевой реставрации и консервации находок, предварительной интерпретации полученных данных; выработать профессиональные навыки, способствующие становлению практикантов как самостоятельных исследователей. В отчетах о результатах практики на базе Западносибирского и Тогучинского отрядов ИАЭТ СО РАН первокурсники отмечали успешное выполнение первой из этих задач. Констатирована также успешность реализации второй задачи. Реализация третьей задачи в отчетах представлена не столь отчетливо. Многие студенты результаты ее выполнения либо никак не отразили, либо ограничились самыми общими фразами. Последнее, судя по этим отчетам, требует пристального внимания и дальнейшей работы.

Ключевые слова: археологическая практика, задачи, реализация, проблематизация.

В своей педагогической деятельности, в том числе в качестве руководителей студенческих практик¹, мы стремимся создать все условия, чтобы студенты имели возможность учиться. Это одно из ключевых правил в организации практики. Естественно, возникает вопрос: насколько наш посыл понимается (принимается) студентами-практикантами? Ответ на него можно получить в

ходе бесед со студентами; слушая их выступления на итоговых конференциях; анализируя отчеты о практиках. В статье мы обратимся к последним – к отчетам о полевых археологических практиках студентов Новосибирского и Томского государственных университетов, проходивших на базе Западносибирского (начальник отряда акад. В. И. Молодин) и Тогучинского (начальник отряда

* Исследование проведено в рамках Программы XII.186.2. Проект № 0329-2018-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

¹ Л. В. Котович – руководитель педагогической, архивной, музейной практик студентов ИИГСО НГПУ 1985–2014 гг.; Л. Н. Мыльникова – руководитель археологической практики студентов НГУ 2011–2017 гг., ТГУ – 2016 г.

Котович Л. В., Мыльникова Л. Н. Студенты о результатах археологической практики (по материалам полевых отчетов практикантов из Новосибирского и Томского государственных университетов) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 15–21.

д-р ист. наук Л. Н. Мыльникова) археологических отрядов в 2015–2017 гг. на памятниках Тартас-1 и Венгерovo-2.

Выбор остановлен на археологической практике по двум причинам. Во-первых, она завершает первый год обучения в вузе и является его своеобразным комплексным итогом. Во-вторых, это возможность получить некоторые результаты и прописать образовательный маршрут на перспективу, т. е. это вероятность реализовать индивидуальный подход в подготовке специалистов-бакалавров.

Сразу отметим, что археологическая практика пока еще не стала предметом пристального научного изучения, как, впрочем, и другие практики. Этот вывод вытекает из анализа тематики диссертационных работ и материалов журнальной периодики. С 1937 по 1997 г. из общего числа 1 610 работ на соискание докторской степени по педагогике вузовской проблематике посвящено не более 10 %, из них непосредственно педагогической или археологической практике – ни одной [Оганесян, 2006. С. 4]. Практики не стали предметом активного обсуждения и на страницах специализированных журналов, например издания «Высшее образование в России»¹. С 2002 г. в России действует международная конференция «Полевые студенческие практики в системе естественнонаучного образования вузов России и зарубежья». Статистика показывает, что археологи принимали активное участие и имели публикации только в материалах третьей конференции [Полевые практики..., 2009]. В 2017 г. в материалах по итогам работы пятой конференции по археологическим практикам опубликовано две статьи [Новикова и др., 2017; Умеренкова, 2017].

Основная цель полевой археологической практики заключается «в закреплении у студентов базовых теоретических знаний о со-

временных методах и приемах проведения археологических разведок и стационарных раскопок памятников разных видов, формировании ряда практических навыков использования методов и приемов ведения археологических изысканий на практике в ходе полевых исследований, развитию исследовательского подхода к изучению вещественных памятников – основных источников информации по древнейшей истории России». Полевая археологическая практика является дополнением, необходимым для понимания главных положений, излагаемых в курсах «История отечественной археологии», «Археология палеолита», «Археология неолита», «Археология палеометалла», «Археология железного века», «Археология Средневековья», «История первобытного общества», «История Сибири», «Основы антропологии и расоведения», «Палеоэкология человека». Она призвана наполнить учебные лекционные курсы реальным содержанием на основе материалов из конкретных археологических памятников; показать все многообразие и важность полученных при участии студентов археологических источников для реконструкции исторического прошлого; и одновременно способствовать вовлечению студентов в научный поиск. Большую роль археологическая практика играет в воспитании коллективизма, привитии трудовых навыков и развитии научных интересов. Основные задачи, которые формулирует руководитель археологической практики студентам, сводятся к трем положениям: закрепить, углубить, расширить знания по археологии и истории Сибири, полученные на лекциях и семинарских занятиях, показать все многообразие археологических источников; заложить основы профессиональных умений и навыков организации труда в археологической экспедиции, ведения полевой и финансовой документации, первичной камеральной обработки материалов, полевой реставрации и консервации находок, предварительной интерпретации полученных данных; выработать профессиональные навыки, способствующие становлению практикантов как самостоятельных исследователей.

Во время прохождения полевой практики на базе Западносибирского и Тогучинского отрядов студенты разных вузов находились в одинаковых условиях. Все участники были разделены на группы и прикреплены

¹ «Высшее образование в России» – ежемесячный рецензируемый общероссийский научно-педагогический журнал, публикующий результаты фундаментальных, поисковых и прикладных проблемно-ориентированных исследований современного состояния высшей школы и тенденций ее развития, выполненных на стыке наук (с позиций педагогики, социологии, истории, экономики и менеджмента). Особое внимание уделяется проблемам подготовки и повышения квалификации научных и научно-педагогических работников высшей школы. Издается с 1992 г., периодичность 11 номеров в год (URL: <http://www.vovg.ru/onas.html>, дата обращения 18.01.2018).

Рис. 1. Лекция проф. Г. Парцингера (Берлин, Германия) с участием академика РАН В. И. Молодина (Новосибирск, Россия) во время научно-производственной практики 2016 г. на базе Западносибирского археологического отряда

к памятнику, на котором с ними, кроме руководителя, работали сотрудники ИАЭТ СО РАН и студенты старших курсов. В течение времени может проходить ротация, так чтобы каждый практикант имел возможность знакомства со всеми видами памятников, находящихся в работе. Перед началом исследования проводился инструктаж по технике безопасности, распорядку жизни в лагере, методике раскопок. В мероприятия практики, помимо непосредственной работы на раскопе, включались экскурсии по памятникам Венгеровского археологического микрорайона, лекции специалистов ИАЭТ СО РАН и специалистов – гостей отряда, имеющие формат общего обзора изученности и современного состояния проблем мировой и сибирской археологии.

В своих отчетах о результатах практики первокурсники указывали на задачи, которые стояли перед ними: «...в данной работе, передо мною были поставлены... задачи»²; «Передо мной, как участником археологической экспедиции, были поставлены следующие задачи»; «...я выполнял археологи-

ческую практику (...) в целях выполнения образовательной программы». Далее они переходили к описанию (характеристике) реализации задач. Заметим, что во многих отчетах практиканты говорили о полученных навыках жизни и сотрудничества в экстремальных полевых условиях со студентами разных вузов, с «начальством» в лице академиков, докторов, кандидатов наук. Но этого сюжета мы не касаемся, так как он требует отдельного рассмотрения.

Все студенты-практиканты в отчетах отмечали, что на практике успешно выполнена первая задача: «...узнала много нового о различных археологических культурах»; «...узнала специфику материальной культуры исследуемых объектов»; «...я получил курс лекций, так или иначе связанных с раскопом... особое внимание заслуживает лекция по палеогенетике, так как с такой дисциплиной редко можно самостоятельно ознакомиться»; «...я пришла к выводу, что Сибирь является источником богатейшего собрания археологических объектов, погребений и артефактов»; «...в результате практики были расширены знания об археологии Сибири» и т. п. (рис. 1).

² Здесь и далее в цитируемых отчетах студентов-практикантов орфография и пунктуация сохранены.

Рис. 2. Работы на поселении Венгерovo-2 в рамках научно-производственной практики 2016 г.

Рис. 3. Ведение студентами письменной документации в рамках научно-производственной практики 2016 г.

Можно констатировать, что, во-первых, студенты встраивают дополнительные знания, полученные на практике, в систему знаний, которая сложилась в результате обучения на первом курсе; во-вторых, формируется задел для работы на будущих практиках.

Единодушны были наши подопечные и в оценке успешности реализации второй задачи археологической практики. В отчетах они писали: «...мы приобрели важные профессиональные навыки», «...за время, проведенное на практике, мы получили ряд принципиально новых умений», «...мы приобрели огромное количество навыков», «...у меня появились новые впечатления и навыки», «...я приобрела ценный археологический опыт и навыки». Во многих отчетах эти навыки конкретизируются: студенты-практиканты подчеркивают, что получили «...навыки полевых археологических работ, таких, как: снятие горизонта, зачистка, работа с тахеометром», «...ознакомлены с камеральными методами работы», «...теперь я имею представление о том, как проходят археологические раскопки», «...данная практика явилась базой для развития навыков археологической работы», «...полноценное ознакомление с жизнью археологов», «...результатом нашего обучения на практике стало то, что мы стали настоящими археологами» и т. п. (рис. 2). Подавляющее большинство студентов-практикантов были впервые в полевых условиях археологических раскопок, но в кратчайшие сроки овладели многими практическими навыками.

Реализация третьей задачи – выработка профессиональных навыков, способствующих становлению практикантов как самостоятельных исследователей – в отчетах студентов-практикантов представлена не столь отчетливо, как первых двух. Результаты ее выполнения в большинстве документов либо никак не отражены, либо характеризуются самыми общими фразами: «...данное событие помогло выработать во мне навыки, способствующие становлению как самостоятельного исследователя» (это предварялось перечислением того, что они делали во время практики) (рис. 3). Только в редких случаях, скорее как исключение, встречаются отчеты, в которых студенты-практиканты рассуждают по поводу своей исследовательской деятельности, анализируя находки и вписывая их в исследовательское поле. Так, в одном отчете встречаем суждение: «Одна

из последних находок в период практики свидетельствует о высокой вероятности того, что представители кротовской и одиновской культур проживали вместе. Ранее данный вопрос относился к спорным, теперь появились серьезные аргументы “за” ее вероятность».

Такая ситуация (слабое отражение в отчетах реализации третьей задачи) вызывает вопросы. Студенты полагают, что в данном случае нет места для самостоятельной исследовательской работы и задача избыточна (ее нельзя реализовать?), либо они не рефлексируют по этому поводу? Другое?

Имея в виду, что «практика должна стать не только местом апробации способностей, но и площадкой проблематизации будущей профессиональной деятельности» [Полупан, 2017. С. 160], последнее (проблематизация будущей профессиональной деятельности), судя по отчетам студентов-практикантов, требует пристального внимания и дальнейшей работы.

Становление практикантов как самостоятельных исследователей возможно лишь тогда, когда они сами осознанно смогут удерживать три позиции: «я могу», «я знаю – я умею», «я осмысливаю».

На уровне замысла «я могу»:

- я могу сформулировать проблему, которую буду исследовать;
- я могу объяснить, почему именно эту проблему буду исследовать;
- я могу конкретизировать проблему, которую буду исследовать.

На уровне реализации замысла «я знаю» и «я умею»:

- я знаю, какая литература мне поможет реализовать мой замысел;
- я умею работать с этой литературой;
- я знаю, какие источники мне помогут реализовать мой замысел;
- я умею работать с этими источниками;
- я знаю, как писать и оформлять текст исследования;
- я умею писать и оформлять текст исследования.

На уровне рефлексии:

- я могу сформулировать выводы своего исследования;
- я могу соотнести выводы с замыслом;
- я могу презентовать свое исследование.

Таким образом, исследование показывает, что в целом студенты-практиканты справ-

ляются с поставленными перед ними задачами. Однако главная задача, на которую направлены и первые две (выработать профессиональные навыки, способствующие становлению практикантов как самостоятельных исследователей), не получила достаточного понимания, а значит, и исполнения. На первой практике эта задача носила в основном декларативный характер, а реально будет реализовываться на следующих этапах обучения. Хочется надеяться, что археологическая практика позволит знаниям первокурсников трансформироваться в удовольствие изучения, в умение ставить вопросы и находить ответы, в собственные открытия.

Список литературы

Полевые практики в системе высшего профессионального образования: Материалы III Междунар. конф. Новосибирск: НГУ, 2009. 232 с.

Новикова О. И., Новиков А. В., Кениг А. В. Особенности археологической практики на объектах с мерзлотой // Полевые практики в системе высшего образования: Материалы

V Всерос. конф., посвящ. 65-летию крымской учебной практики по геологическому картированию Ленинградского – Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: ООО Изд-во ВВМ, 2017. С. 73–75.

Оганесян Е. В. Культурологическая модель педагогической практики в системе высшего педагогического образования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. 46 с.

Полупан К. Л. Учебная практика: матричная технология организации // Высшее образование в России. 2017. № 7–8. С. 159–164.

Умеренкова О. В. Полевая практика студентов на базе археологической экспедиции в образовательном процессе в условиях реализации ФГОС высшего образования // Полевые практики в системе высшего образования: Материалы V Всерос. конф., посвящ. 65-летию крымской учебной практики по геологическому картированию Ленинградского – Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: ООО Изд-во ВВМ, 2017. С. 121–123.

Материал поступил в редколлегию 22.01.2018

L. V. Kotovich, L. N. Myl'nikova

*Institute Archaeology and Ethnography SB RAS
17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

L.Mylnikova@yandex.ru

STUDENTS ABOUT THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL PRACTICE (BASED ON THE FIELD REPORTS OF TRAINEES FROM NOVOSIBIRSK AND TOMSK STATE UNIVERSITIES)

Purpose. One of the key rules in the organization of practices is to create conditions for students to have the opportunity to study. The question arises: how much is this understood (accepted) by student interns? The article was prepared on the basis of reports on field archaeological practices submitted by students of Novosibirsk and Tomsk State Universities, which were held on the basis of West Siberian and Toguchin detachments. We chose archaeological practice as the subject matter because archaeological practice completes the first year of studying at university, and it is a unique outcome and an opportunity to get some results and identify an educational route for the future. Archaeological practice has not yet become the subject of close study of researchers, as well as other practices. The main tasks formulated by the head of the archaeological practice to students are reduced to three provisions: 1. To consolidate, deepen, expand knowledge on archeology and history of Siberia learnt at lectures and seminars, show the diversity of archaeological sources; 2. To lay the foundations of professional skills and organization of work in the archaeological expedition, field and financial documentation, primary cameral processing of materials, field restoration and conser-

vation of findings, preliminary interpretation of the data; 3. To develop professional skills that facilitate the formation of interns as independent researchers.

Results. In their practice reports, freshmen indicate the tasks that they faced. All noted that the first task had been successfully accomplished. It can be stressed that students build additional knowledge gained in practice into the system of knowledge that resulted from the training in the first year; and that a backlog for future practices is formed. The success of the second task was also stated. The vast majority of trainees had a field archaeological experience for the first time, and in the shortest possible time they mastered many practical skills that they had not previously had. The implementation of the third task in the reports was not as clear as the first two. Many students either did not reflect the results of its implementation, or limited the description to some general phrases.

Conclusion. Bearing in mind that «practice should not only be a place for approbation of abilities, but also a platform for problematizing future professional activity», the latter point requires close attention and further work, as we conclude from the reports of the trainee students.

Keywords: archaeological practice, implementation of tasks, problematization.

References

Novikova O. I., Novikov A. V., Kenig A. V. Osobennosti arkheologicheskoi praktiki na ob'ek-takh s merzlotoi [Features of archaeological practices at the sites with permafrost]. *Polevye praktiki v sisteme vysshego obrazovaniya. Materialy Pyatoi Vserossiiskoi konferentsii. Posvyashchaetsya 65-letiyu krymskoi uchebnoi praktiki po geologicheskomu kartirovaniyu Leningradskogo – Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Field practice in the higher education system. Materials of the Fifth all-Russian conference. Dedicated to the 65th anniversary of the Crimean educational practice of geological mapping of the Leningrad – Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, OOO VVM Publ., 2017, p. 73–75. (in Russ.)

Oganesyan E. V. *Kul'turologicheskaya model' pedagogicheskoi praktiki v sisteme vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya. Avtoref. dis. d-ra ped. nauk* [Cultural model of pedagogical practice in the system of higher pedagogical education. Dr. histor. sci. syn. diss.]. Moscow, 2006, 46 p. (in Russ.)

Polevye arkheologicheskie praktiki v sisteme vyshego professional'nogo obrazovaniya. Materialy III mezhdunarodnoi konferentsii [Proceedings of the III International conference «Field practices in the system of higher professional education»]. Novosibirsk, NSU Publ., 2009, 232 p. (in Russ.)

Polupan K. L. Uchebnaya praktika: matrichnaya tekhnologiya organizatsii [Teaching practice: a matrix technology organization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2017, no. 7–8, p. 159–164. (in Russ.)

Umerenkova O. V. Polevaya praktika studentov na baze arkheologicheskoi ekspeditsii v obrazovatel'nom protsesse v usloviyakh realizatsii FGOS vysshego obrazovaniya [Field practice of students on the basis of the archaeological expedition in the educational process in the implementation of the FSES of higher education]. *Polevye praktiki v sisteme vysshego obrazovaniya. Materialy Pyatoi Vserossiiskoi konferentsii. Posvyashchaetsya 65-letiyu krymskoi uchebnoi praktiki po geologicheskomu kartirovaniyu Leningradskogo – Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Field practice in the higher education system. Materials of the Fifth all-Russian conference. Dedicated to the 65th anniversary of the Crimean educational practice of geological mapping of the Leningrad – Saint Petersburg State University]. St. Petersburg, OOO VVM Publ., 2017, p. 121–123. (in Russ.)